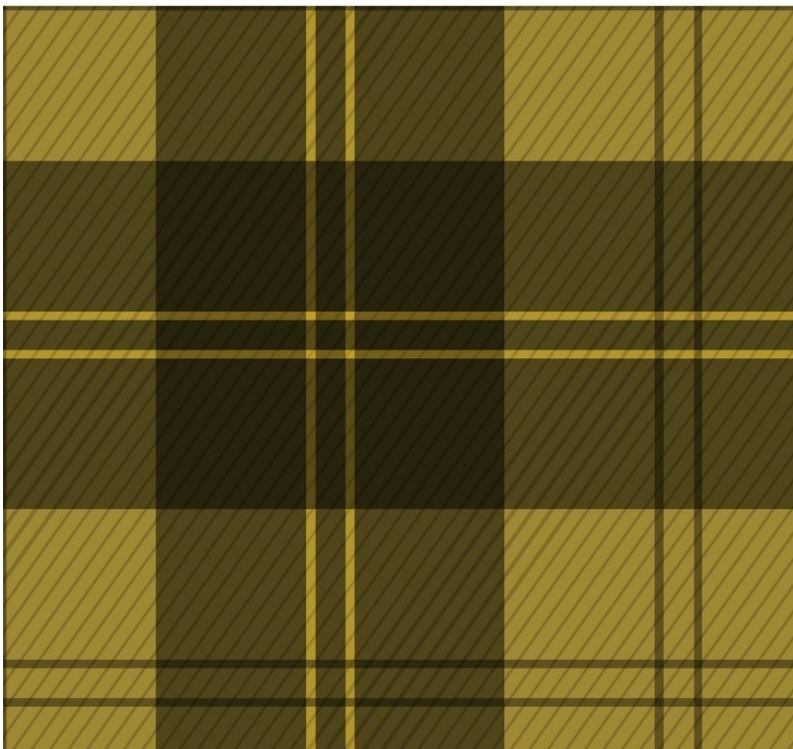

АЛЕКСАНДР КАРНИШИН

Игра

Александр Карнишин

Игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18799084

ISBN 9785447483982

Аннотация

Вся наша жизнь – игра? Или игра – это мир, в котором живут персонажи повести? А может быть, все-таки все совершенно серьезно?

Содержание

Село	9
Хранилище	20
Село	27
Хранилище	32
Село	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игра

Александр Карнишин

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На окраине столицы в глубоком бетонном подвале под двенадцатью этажами, отданными на откуп студентам, давно скрывался мощный вычислительный центр. Студенты здесь были не простые, в форме с погонами, и вычислительный центр – тоже был очень и очень не простой. Вычислительным центром его называли по давней традиции, хотя никаких вычислительных арифметических или математических задач перед ним не стояло. И бухгалтерия этого учебного заведения никогда не пользовалась услугами «своего» вычислительного центра. Да и студенты не заходили в него – не положено было.

Вход в этот центр был организован с тыльной стороны здания, из старого яблоневого сада, окруженного высоким кирпичным забором, по верхнему краю которого вилась самая простая на вид «егоза». А въезд в сад преграждал постоянно опущенный металлический шлагбаум в черно-белую полоску, и второй сразу за ним – в виде стального троса, и еще стояла будка с непрозрачными снаружи стеклами, в которой круглые сутки сидел автоматчик в каске и бронежиле-

те. Как только темнело, вспыхивали прожектора, направленные на площадку перед шлагбаумом, и вдвое чаще проходили патрули с внутренней стороны забора, тщательно осматривающие его верхний край.

Деревянная крашеная коричневой масляной краской дверь открывалась из сада в длинный и широкий пропахший табачным дымом и пылью коридор, проходящий под холлом первого этажа вдоль всего здания. Из коридора двери вели в хозяйственные помещения: различные кабинеты, относящиеся к службам хозяйственного обеспечения, кладовки, подсобки, комнату охраны, которая была первой, сразу справа от входа. Только одна дверь, на вид деревянная, но на стук звучащая монолитной скалой, была постоянно закрыта. Черная табличка с узкой золотой окантовкой гласила: «Центр стратегических исследований».

Лучшие программисты, имена которых никогда не появлялись в газетах или в отраслевых журналах, писали и переписывали специальные программы, которые с помощью лучших компьютеров – из тех, что можно было купить – позволяли прогнозировать с достаточно высокой точностью события, зависящие от других событий, а те – еще и от третьих. Главное было – поставить правильно задачу и задать правильный вопрос. А потом уже техника обрабатывала введенную информацию и выдавала результаты.

Кажется, все достаточно просто. Предположим, происходит такое-то событие. Ну, там, налоги вводят новые, или на-

оборот, отменяют налоги. Что будет через год? А что – через два? А если добавить еще одно условие? А если добавятся еще и такие события? А если...

Одни люди задавались вопросами, другие придумывали условия, третьи вводили их в программу, четвертые изучали и обобщали получившееся. Были еще и те, кто отвечал за техническую часть и требовал для работы все более новые и сильные компьютеры.

И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Сами ученые попадали в подвал к двери в этот центр на лифте, проходя сначала через парадный вход вместе с преподавателями и студентами. Некоторые из них действительно преподавали различные прикладные дисциплины. Другие числились в составе постоянных технических работников, обеспечивающих работу учебного заведения.

Самым известным для широкой публики из всех результатов работы этого центра стал увесистый том, вышедший в свет тиражом всего пять тысяч экземпляров и быстро исчезнувший из продажи еще в девяностые годы прошлого века. В книге подробно описывались возможные последствия предполагаемого крупномасштабного ядерного конфликта. Все было оформлено, как подлинные фотографии и подлинные, в реальных условиях, замеры температуры и скорости ветра в случае чего. Вот, что будет через час. Вот – через десять. Вот на вторые сутки после обмена ударами. Как настоящий фантастический роман, только написанный учеными:

сухим языком, практически без сюжета, без героев, потому что героем становились природа и климат.

Сами работники вычислительного центра считали эту книгу всего лишь данью политике гласности. Мол, надо же было показать тем, «наверху», что они могут и чем тут занимаются за государственные деньги. Хотя кто-то из ученых был даже награжден именно за эту книгу. А кто-то «наверху» говорил, что такое исследование, вернее его результаты, окончательно сняло возможность начала всеобщей ядерной войны: книга доказывала самоубийственность обмена ядерными ударами. Карты, схемы, фотографии «с натуры», полученные в центре с помощью уникальных компьютерных программ, показывали наступление настоящего ледникового периода в случае такого конфликта: даже в Африке прогнозировалось снижение температуры до минус тридцати градусов по Цельсию и еще ниже, а что уж говорить о густонаселенных районах развитых стран, находящихся гораздо севернее.

Но книжка книжкой, а вопросы ставились перед центром вполне конкретные, и получали на них те, кто имел на это право, такие же конкретные ответы. Сначала на бумаге, в виде толстых папок с текстовыми распечатками и графиками. Потом, со временем, в электронном виде. А еще позже и с полным эффектом присутствия, раз была у заказчика такая необходимость. Техника теперь позволяла многое. И программы становились все лучше и лучше.

А еще иногда вдруг появлялся на витринах магазинов «постапокалиптический» фантастический роман, слишком уж похожий на правду, со слишком уж хорошо прописанными деталями, с мелочами знаковыми. А это просто «своим», надежным, писателям передавали из центра очередную порцию прогнозов. Тех, что можно было передать.

Потому что реакция на продажи, шум вокруг книги, само обсуждение такого романа – это ведь тоже был материал для дальнейших прогнозов.

Кстати, в Америке, говорят, тоже есть такой центр. И в Великобритании – тоже. И если с самого начала просто был вал книг на темы будущего, то теперь одним из направлений стали игры. Компьютерные игры. Стратегии и «бродилки». Один культовый «Фоллаут» чего стоил! Сколько миллионов человек провели часы и дни за похождениями в мире после ядерного конфликта! И как хвалили игру именно за реализм и мелочи. Ну, так, была же основа для этого, была.

Село

Жанжак всегда спал чутко, еще с тех давних пор, когда жил в хранилище. Они там всегда ждали чьего-то нападения, потому как все со школьной скамьи знали, что не было еще такого человека, кто не мечтал бы завладеть всеми богатствами и знаниями, спрятанными в недра земли умными хранителями перед самой катастрофой. Уже одно наличие этого хранилища и запасов в нем показывало, что именно они, хранители, знали всю правду о том, что потом случилось.

Жанжаку редко снились сны. Но когда они снились, то опять и опять перед глазами проходили детство и юность. Сумрачные, иногда темные, но и уютные одновременно коридоры хранилища, где есть защита со всех сторон. Дома и стены помогают. А когда стены – со всех сторон? Школьная комната снилась и учителя. Особенно он не любил учителя боя. А снился как раз чаще всего почему-то урок боя и обороны.

Внезапно проснувшись, он лежал теперь, не открывая глаз, прислушиваясь к окружающим шумам. Ставни у него были открыты, несмотря на ночную прохладу, и всю ночь он слышал, как прохаживались по селу дружинники. Это совсем не мешало ему спать в маленькой, об одной комнате, избе неподалеку от церкви. По углам комнаты висели

связки сухих трав, грибы сушились на противне, брошенном на стол возле окна. Два табурета, кровать с тюфяком, набитым хрусткой свежей соломой – вот и все убранство. На полках, вытянувшихся вдоль одной стены, стояли горшки, медные и бронзовые ступки разного размера с выглядывающими из них пестиками. Лысый Жанжак уже больше десяти лет лечил селян от простуд и поносов, растяжений и грыж, да иногда еще приходилось вправлять вывихи и ставить компрессы после очередной дружеской драки молодых парней с разных концов села.

Он опять прислушался. Прошла уже минута, как что-то разбудило его. Тишина ничем не нарушалась. Медленно открыл глаза, поводил ими из стороны в сторону, не шевелясь и не поворачивая головы. Ночь была черной и безлунной. Печь с вечера Жанжак не топил, поэтому даже слабого красного отсвета на полу от непогасших угольков не было. В окно высоко в черном небе можно было увидеть далекие яркие звезды.

«Завтра будет солнечный день, а с утра будет туман», – подумал Жанжак, одним гибким движением почти бесшумно соскальзывая с кровати плашмя на пол. Вбитые палкой знания говорили: если что-то разбудило его ночью, то лучше было перестраховаться.

Он верил, не мог не верить своим учителям и своему немалому опыту, и поэтому жил так долго. А учили подземные учителя хорошо, вбивали знания намертво. Проснул-

ся? Вставай! Иначе можешь получить палкой по пяткам, да больно – били не жалеючи.

– Пожалеешь ты, – говаривал учителям Старый (другой, не тот, что сейчас, а тот, что умер девять лет назад). – Не пожалееет враг.

Упав на пол, Жанжак сразу перекатился в сторону, прихватив с табурета свои штаны и ремень с ножнами. Вжавшись спиной в угол, быстро и бесшумно надел их, подпоясался ремнем, все еще раздумывая над вопросом: что же заставило его проснуться? Не надевая сапог, босиком, на цыпочках двинулся к двери, зажав в правой руке удобную чуть изогнутую рукоятку длинного ножа. Крепкая дверь с вечера была заперта на тяжелый металлический засов.

Вообще-то в селе не было принято запираить двери. На тяжелый засов – брус толщиной в две ладони – запирали только ворота, и тогда каждый двор превращался в крепость, а забор к забору, двор – ко двору делали такой крепостью кварталы, на которые делилось двумя крест-накрест лежащими слегка изогнутыми улицами большое село. Дома стояли в глубине двора, окнами и дверями к воротам, а в домах на видном месте всегда лежали арбалеты, натянуть тетиву которого можно было за одно мгновение. Стрельнуть же из заряженного арбалета могла и женщина, и подросток. Умения тут большого не надо.

У Жанжака просто никакого двора не было. Дом его стоял рядом с церковным двором, почти на центральной площа-

ди, утоптанной до каменной твердости. Даже осенние дожди не могли превратить ее в огромную грязную лужу. А по краям пощади, там, где земля оставалась мягкой, где росла трава и какие-то кустики прорывались к свету, грязь все-таки оставалась. Но там с давних пор настилали всем обществом деревянные тротуары, и по ночам хорошо было слышно, как четко и твердо стучат каблуки с подковами очередной пары дружинников.

У двери он помешкал немного, а потом все же осторожно приложил ухо к щели и стал слушать, затаив дыхание. Тишина стояла над селом. Он не слышал ничего кроме стука своего сердца. И тут Жанжака как ошпарило: все время ночью по селу ходили дружинники парами. И он слышал их шаги и негромкий разговор. А теперь уже давно не было слышно никого. Вот что его разбудило: слишком долго было тихо, слишком долго не появлялись те, кто охранял ночной покой селян. Он еще минуту постоял, вслушиваясь в тишину. Даже лягушки, которые досаждали летом своим заунывным кваканьем от маленького пруда за церковью, молчали из-за наступивших ночных осенних холодов.

«Две пары здоровых мужиков. Четыре арбалета и ножи, а кто-то и топор прихватил, наверняка», – думал он, вернувшись в комнату и лихорадочно наматывая портянки и вбивая ноги в растоптанные мягкие сапоги. Хоть и бесполезно было уже соблюдать тишину, но все равно двигался он аккуратно, стараясь не свалить в ночи табурет и не стукнуть

лишний раз железом или дверью. Да и перед окном, не закрытым ставнями, старался не показываться. Хоть и ночь, темно – а мало ли что.

«Ходят они поврозь: двое по центральной улице, двое – по поперечной. Это что же могло случиться-то, что – сразу всех?».

Эх, жаль, что период расчетов с Патрулем еще не наступил. В конце сентября, когда весь урожай бывает уже собран, патрульные приходили в село, отбирали по списку, составленному старостой, свою долю, складывали ее в общинный амбар и выставляли возле него на две недели, пока не переправят все на базу, свой караул. А бойцы они хорошие, что бы там о них ни говорили.

На рубяху он накинул свою кожаную куртку, обшитую кусками позеленевшей латуни. От стрелы, может, и не спасет, а вот если резаться на улицах – в самый раз. Подхватил из угла арбалет, скрипнул рычагом, взводя тетиву, вложил короткую стрелу без оперения в желоб, еще две стрелы прихватил в левую руку. Арбалет – это вам не лук. Часто не постреляешь. Тут пару раз бы выстрелить дали. Но зато не надо долго учиться. Ткнул в сторону врага, потянул спуск, и натягивай опять тетиву.

«Кто? Кто пришел в село?»

Это в хранилище они всегда ждали нападения. А тут, в селе, уже привыкли, что есть патрульные, которые заберут свою долю, но зато и прикроют собой, если что случится,

что есть свободные, которым отдан лес в вечное пользование, и все, что за лесом тоже, что есть хранители, которые дают учителей и врачей, и которые тоже могут помочь...

«Эх, как не вовремя-то», – подумал он почему-то. Хотя, разве бывает такому правильное время?

Меч хранителя на перевязи на левый бок, кожаную тяжелую сумку врача – на правый, на голову – зимнюю шапку, в которую зашит кусок той же латуни, что приносили откуда-то с юга свободные в обмен на продукты. Меч у него старый, очень старый. Пожалуй, даже старше самого Жанжака. Этот меч ему дал Старый, когда отправлял в село. И хоть ни разу он не был в бою, но меч всегда наточен, начищен, смазан. Всегда висит в ножнах на корявом крученом высушенном корне, напоминающем змею, который принесли ему в обмен на какую-то услугу свободные, а он вбил в стену и приспособил для дела.

Жанжак встал перед дверью, вздохнул глубоко. Присел чуть. Ну...

Рука на засов, рывком с лязгом толкнула его в сторону. Нога – пинком в дверь, сам – коlobком, под прикрытием отлетающей двери с крыльца прямо в крапиву, что разрослась вокруг дома. Над головой тупо стукнуло в дверь: раз, два, три. Ждали, значит. Слушали и ждали. Чуть высунулся из-за крыльца, и на уровне пояса, в самые темные тени на площади, не целясь – все равно темно – хлоп – хлопнул арбалет. Тут же откатился за угол, встал там, рычаг на себя, стрелу

в желоб. Махнул арбалетом за угол, и снова – хлоп! И еще раз рычаг на себя, стрелу, выстрелил в другую сторону вдоль стены... Стон? Или только показалось ему? Уронил арбалет. Меч – из ножен широким движением наискось снизу вверх, обводя себя. Потом присел, махнул мечом на уровне колен вокруг, сделав по шагу в каждую сторону и тут же отступая обратно, вытащил на ощупь из сумки заветный пузырек, кинул с силой, чтобы разбить о крыльцо, прикрыв глаза левой рукой.

Вспыхнувший огонь высветил какие-то фигуры, тут же кинувшиеся в тень. Из ночи полетели стрелы, тупо стуча, впиваясь в угол дома, за которым стоял лекарь. Но зато не подойдут незаметно, ощерился он в усмешке.

Жанжак уже высматривал, каким путем кинуться ему в обход пруда к дальним кустам, за забор церкви, как на колокольне вдруг забил, зазвонил часто, как при пожаре, колокол. И тут же, как будто эта вспышка света и звон колокола разорвали тишину, со всех сторон раздались насадные крики, ржание, топот копыт. По узким улицам неслись конники, кидая разоженные факела за заборы, спрыгивая на ходу к воротам, ломаясь в них. Кто-то бился в двери колокольни, рубил их топором. Но те двери были сделаны на совесть, а из лука в темноте выцелить звонаря было практически невозможно. Звон плыл над селом и округой.

Теперь надо ждать помощи, а самим – отбиваться.

От дружинного дома слышны были частые хлопки арба-

летов, а потом яростный крик идущих в топоры дружинников. Такой же крик подхватили от дома старосты. У того было пятеро взрослых сыновей, трое из которых еще не были женаты и жили с ним. Из домов через высокие заборы летели арбалетные стрелы. Да, да... Учитель объяснял им, что стрелы – у лука, потому что с оперением, а у арбалета – болты. Но все равно все село говорило «стрелы». Ведь из арбалета стреляют? Стреляют. Значит, стрелы.

Вспыхнул пожар на самой окраине, чуть осветив край неба вдали и темные заборы. Видимо, к какому-то дому враги подошли уже вплотную и теперь выкуривают защитников. Жанжак вертел головой, одновременно потихоньку, полуприсядя, нагнувшись чуть не к земле, отходил от своего дома, прикрываясь им, к забору, окружающему церковь. Арбалет он бросил за домом, и теперь в одной руке держал меч, а в другой бритвенной остроты длинный нож. Он никогда не считал себя хорошим бойцом, и поэтому теперь старался не попасть в толпу, не оказаться вынужденным биться на мечах.

От пруда, из кустов, разросшихся вдоль забора церкви, отделяющих от села поле с убранной уже капустой, полезли вдруг в тишине и молчании какие-то бесформенные фигуры с луками и с мечами в руках.

Лекарь спиной оперся о тесовый забор, совсем недавно обновленный и укрепленный обществом, присел на корточки, выставив перед собой меч и чуть отведя назад руку с но-

жом. Он понимал, что сейчас непременно погибнет, но бежать было просто некуда и уже некогда. Сзади высокий забор церковного двора, слева на площади качалась с натужным хэканьем и злыми криками толпа, раздавались удары стали о сталь, иногда вскрики раненых, а справа набегали неизвестные. Двое передних приостановились перед ним, всмотрелись в мерцающем свете огня:

– Же-Же?

Так его называли некоторые в селе, не понимавшие его имени, а от селян так его стали называть и другие его пациенты, в основном из свободных или патрульных.

Имя свое, такое нездешнее, он получил в хранилище, когда кто-то из старых учителей, глядя на русую лобастую головку очередного пацана, сказал:

– Ишь, какой головастый. Умный будет, видать. И русский... Был в древности такой Русский Жанжак – то-о-оже головастый...

Так и назвали.

Но это же не патруль? Те бы не успели так быстро на сполох. Им далеко, еще с час, ну, с полчаса если бегом.

– Же-Же? – настойчиво переспросил первый, а второй молча натянул тетиву лука. Наконечник стрелы блеснул в колеблющемся свете пожара. Из темноты к ним подбегали еще и еще.

– Кх-х-х-ха. Ну, я, – откашлявшись, прохрипел лекарь, прикидывая заранее, в какую сторону падать. – И что?

– Где староста?

У Жанжака как глаза открылись. Пятнистые бесформенные балахоны, украшенные ветками и пучками травы, луки, бесшумная походка... Вот это кто... Свободные пришли в село. С оружием, что невиданно. И – много свободных. Сразу столько он никогда и не видел.

– Очнись, лекарь! Мы пришли на зов! Мы слышим колокол! Ну? Где ста-рос-та? Ты оглох, что ли?

– Там, – облегченно выдохнул Жанжак, сползая по забору и усаживаясь прямо на сырую землю.

– Там, – повторил он, махнув рукой. – Налево за угол через площадь, и прямо по центральной улице на юг. Кричат где – там это, там его дом.

Раздались команды вполголоса. Разделившись на два отряда, свободные с двух сторон обежали его избушку, и вдруг молча ударили в спину нападавшим, сначала выпустив по стреле из лука.

Непрерывный звон колокола, упорное сопротивление дружинников, внезапный удар в спину неизвестного отряда – все это, видимо, смешало карты врага. Раздался пронзительный свист, шум боя как-то резко стал уходить, смещаться с площади на улицы, а потом раздался топот копыт, и неизвестные конники исчезли в ночной темноте.

И почти сразу прекратился звон колокола. Еще были слышны переклички дружинников, засевших в угловых дворах, еще ругались и кричали где-то возле постепенно зату-

хавшего пожара, но бой уже закончился.

Кряхтя, поднялся у забора церкви лысый пожилой человек с добрым морщинистым лицом, постоял, ощущая необыкновенное облегчение от внезапно отошедшей смерти. Нагнулся со стоном, поднял воткнувшиеся в землю меч и нож, обтер их рукавом, и побрел медленно к своему дому, где уже потушили набежавшие со всех сторон женщины подожженное им крыльцо. В воздухе стоял запах гари и крови. Этот кисловато-соленый медный запах он бы не спутал ни с чем. Ветра не было, и он чувствовал запах собственного пота, затхлый запах от старой кожаной куртки, и этот запах крови, гари от пожарища, и радовался, что чувствует это, что опять повезло, что все еще жив.

– Лекаря, лекаря! Кто видел лекаря? – раздались крики с другого края площади. Жанжак очнулся, привычно, не глядя, сунул в ножны свой нож, приподнял левой рукой ножны меча и аккуратно вставил в них меч, так и не побывавший в схватке. Поправил на плече сумку и широким шагом пошел на крики, бросив на ходу тяжелую шапку через мерцающие угли на месте крыльца в темный дверной проем своего дома.

Хранилище

По коридору тяжело протопали сапоги караульного.

– Старый! Снаружи передают: в селе сполох! Враг в селе!

– Эх-х-х, кха-кха, – прокашлялся худой лысый старик, поднимаясь на жесткой лежанке. – Сполох, говоришь? В селе? Караул на месте?

– Все подняты, все на постах.

– Кхе-кхе, тьфу ты, зараза, – беззлобно и совсем по-стариковски бормотал Старый, сунув ноги в холодные, остывшие за ночь, подбитые снизу тяжелой резиновой подошвой валенки, и выползая, придерживаясь за стенку, в коридор. Прищурился там недовольно на свет фонаря, но ничего не сказал, потому что дело было срочное, и потому что фонари в карауле жечь разрешали в любое время.

– Эй, – повернул голову в сторону темного коридора. – Кто здесь?

– Серый, – откликнулся невидимый в темноте коридорный.

– Пройди тихо... Тихо, понял? Поднимай первый отряд. Только тихо... Но – быстро чтобы! Скажи, я у ворот их жду.

– Есть! – лихо откликнулся тот и загрохотал набойками по бетонному полу в темноту.

– Тьфу, – опять сплюнул Старый. – Ну, сказано же было ему: ти-хо... Всех, ведь, переколготит!

И уже обращаясь к ожидающему караульному:

– Ну, пошли. Алик, так?

– Алик, – улыбнулся довольно тот. – Сын...

– Петра сын, знаю, – недовольно оборвал Старый. – Свети мне, – и, шаркая ногами, пошел туда, откуда прибежал караульный.

Внутренний караул стоял у амбразур с заряженными арбалетами. У ворот снаружи стоял караульный внешнего поста, пересказывающий в левую амбразуру то, что передавали ему с вершины холма, в котором прятался вход в хранилище.

– Сначала тихо было, – повторял он свой рассказ Старому. – Потом вспыхнуло вдруг, а потом колокол сполох ударил.

– Что вспыхнуло? В каком месте? Может, пожар просто? – допытывался скрипуче тот, подставив ухо сквозняку из амбразуры.

– Нет, Старый, это то, что ты говорил, что мы всегда ждали. Враг пришел. Там бой.

– Да, какой бой, скажи на милость, с кем? Враг – он где? На севере, так? А село – почти на юге от нас! Какой враг, что ты, парень...

Но не было уверенности в его словах. Может, просто оттого, что не выпался, что подняли старика среди ночи, но голос подрагивал и срывался.

– Вра-а-аг... А кто, кто там с ним воюет? Патруль, что ли, пришел? Ну? Говори же, что видно, что слышно..., – про-

должал он так же скрипуче.

– Не знаю, Старый. Далеко, темно. Не видно нам отсюда. Но бой идет. Настоящий бой, не стрельба арбалетная. Слышно, на улицах бьются.

– Эх-х-х... Надо бы мне туда... Посмотреть бы самому.

Сзади из темноты бесшумно выдвинулся Петр, кивнул сыну, положил ладонь на плечо старика:

– Отряд готов. Что думаешь, Старый?

– Что тут думать? В селе люди. Так? Наши люди. Там учитель наш, лекарь наш. Там наш товар, который нам должны привезти. Так?

– Ты командуй, командуй...

– Командуй... Покомандуешь тут. А если что? За ошибки кровью расплатимся, – побурчал старик, смотря куда-то вниз, на свои несуразные валенки. Кивнул каким-то своим мыслям, поднял глаза, всмотрелся в стоящего перед ним:

– В общем, так, Петро, води своих бойцов. На рожон не лезь. В схватку не ввязывайтесь. Присмотритесь. Постреляйте врага издали, да и обратно, к хранилищу. Тут мы подпррем. Понял? Чтобы без потерь мне! – поднял он сухой палец к носу командира отряда. – Патруля дело в селе на улицах резаться, не наше!

И уже отворачиваясь обратно к амбразуре:

– Да, и пацанов-то оставь. Не нужно их в ночь с собой брать.

Обернулся на недовольное перешептывание, всмотрелся

в колыхнувшийся чуть в стороне строй.

– Что, повоевать хочется? Гер-рои, мать... Прости, господи... Тыфу, все подряд тут вспомнишь с вами! Успеете, парни. Все успеете. Навоюетесь еще по самое некуда. Если это то, что ждали... Ох, рано, рано..., – покачал он головой и снова отвернулся, приник к амбразуре, вслушиваясь в ночные шумы, пытаясь достать хоть как-то до села, понять, не ошибиться.

Снаружи караульный подтвердил, что все спокойно, ворота приотворились чуть-чуть, и пока в амбразуры напряженно вглядывались глаза стрелков, ветераны первого отряда, вся полная дюжина, выскользнули наружу и растворились в черной ночи, уходя знакомой, наезженной и постоянно расчищаемой от кустарника, дорогой в сторону села.

Ворота тут же лязгнули, закрываясь, тяжелый железный засов встал на место. И снова только шепот в амбразуру:

– Прошли крайний пост. Все, им уже близко. ...Огонь гаснет в селе. Тихо становится...

Старый стоял, упершись лбом в холодный ржавый металл ворот, одним глазом кося в узкую, не шире ладони, только для стрелы или если копьем ударить наружу, щель амбразуры. Снаружи тянуло ночной прохладой. От холода всего передергивало, подрагивали плечи. Не стоялось. Хотелось куда-то бежать, что-то делать. Но что? Прыгали мысли:

«Если патруль успел, если все как надо сделали, если вход и выход заперли, то может обойтись. А если нет? Кто там

бился? Селяне с топорами и арбалетами? Ночью, с пожаром... Ой, беда, беда... Да, не оттуда ждали-то. И как же – с юга, выходит, что ли? А свободные, свободные-то – пропустили, значит? Или... Эх, рано, рано. Не готовы...»

Он замер, чуть привстав на цыпочки, обратившись в слух. показалось, шум там какой-то.

– А? – глянул вправо, на стрелков. – Или показалось мне? Слушать всем!

Шепот раздался рядом, почти возле уха, с той стороны ворот:

– Возвращаются, Старый. Идут наши. Встречайте.

– Как – идут? Уже? – и через почти незаметную паузу. – Все идут?

Отвернулся от амбразуры, прикрикнул вполголоса на оставшихся молодых:

– Мечи в руки, ребята! Быстро-быстро-быстро! К воротам! Готовсь! Эй, стрелки, глядеть в оба!

Замерли все на своих местах. Отряд мечников с короткими мечами, собравшийся тесной кучкой у ворот. Стрелки с арбалетами, нацеленными в ночь. Караульные внешних постов, залегшие по опушке недалекого леса.

Хоть и выжигали постоянно лес, хоть и вырубали кустарник, а все же от опушки до ворот – только-только стрелой не достать. Близо лес. Близо опасность. Потому и в напряжении всегда караульные. Потому и идут, как на смерть каждый раз, те, чья очередь караулить снаружи.

Шум неподалеку, шаги, веселый шепот в амбразуру:

– Наши, все! И с добычей какой-то! Тащат с собой чего-то!

– Приготовились! – дал отмашку Старый. – Начали!

Двое сдвинули засов, тут же подперев рычагами створки ворот. Потом потихоньку стали отпускать. Стрелки приникли к лолам арбалетов, не спуская глаз с темноты, царящей вокруг, целя прямо, в сторону леса, а те, что у ворот, чуть вкось, вперекрест по площадке перед воротами.

Старый шагнул чуть в сторону, освобождая место двум мечникам, позвал:

– Петро?

– Я тут! – откликнулся тот снаружи.

– Порядок знаешь. Ты – последний. Ну, начали?

– Первый! – крикнул Петр.

– Первый! – повторили стрелки у амбразур. Чуть шевельнулась одна створка ворот, в узкую щель с трудом протиснулась темная фигура. Двое тут же отвели его, придерживая за руки и держа мечи наизготовку, упертыми в его бока, в дальний угол, к фонарю, повернутому к стене, чтобы не слепить стрелков.

– Есть первый! – крикнули из угла. И уже бегом вернулись к воротам втроем и встали в строй, стоящий напротив ворот, а крайние двое встали на их место.

– Второй! – крикнул Петр. Процедура проверки повторилась. Когда на площадке у ворот, по подсчетам Старого,

осталось всего трое из первого отряда, Петр негромко сказал в амбразуру:

– А теперь, Старый, ворота открывай пошире. Мы тебе сюрприз несем.

– Сюрприз, говоришь? – хмыкнул тот, окидывая взглядом готовых к бою бойцов, прикидывая в уме, что и наружные караульные сейчас смотрят за стоящими у ворот. – Ну, давай, тащи свой сюрприз...

Ворота распахнулись на краткий миг, почти тут же закрылись с лязгом. И сразу лег на место огромный засов, и сразу подперли створки крепкие стальные рычаги, которые сами по себе были оружием в умелых и сильных руках. Но за это краткое мгновение внутрь проскочили последние трое, волоком таща за собой какой-то тюк.

Мечники тут же окружили вошедших, растянули за руки, блеснули фонарем в улыбающиеся лица: свои, свои!

– Ну, и что, что это такое? – тоже улыбаясь, с облегченным выдохом спросил Старый. – Вот это – сюрприз, что ли? Что, а?

– Ага, – так же с широкой улыбкой ответил Петр. – Он самый, сюрприз и есть. Старый, а ведь мы свободного словили...

Село

С севера по главной дороге к околице села с топотом и лязгом оружия, коротким быстрым шагом, в ногу, подбегала небольшая плотная колонна тяжеловооруженных патрульных с двумя факелами, дающими красные отблески на металле снаряжения. Каждый из патрульных был в крепком стальном доспехе, с длинным мечом и кинжалом. На левой руке каждый нес небольшой треугольный щит, который сам по себе в умелых руках был грозным оружием. Говорили, что в бою патрульные действовали не строем, как казалось бы, лучше и надежнее, а либо парами, либо просто каждый сам за себя, так умело орудуя мечом, что могли победить в одиночку троих, а то и четверых противников.

– Стой! – раздался окрик от ближайшего дома. – Стой, стрелять буду!

– Патруль! – рявкнул, не останавливаясь, идущий впереди колонны здоровяк.

– Стоять, сказано! Ждать старосту! – это уже от соседнего дома крик. Показывают, что не в одиночку караулят, что готовы они к любой встрече.

Здоровяк встал, как вкопанный, угрюмо вполголоса отдал команду. Колонна рассыпалась, и за его спиной оказалась шеренга настороженных бойцов, готовых к бою. Факелы, с которыми шел отряд, ткнулись в землю и почти сразу

потухли. Резко запахло горелым маслом. В полной темноте патрульные стояли и ждали команды, готовые ко всему.

Патруль издавна имел договор с селом. Село платило продуктами, патруль защищал село. Враг приходил с севера. Всегда – с севера. И именно там, на самом опасном месте, на большаке, стояла база патрульных, ставшая крепостью на пути любых захватчиков. Пройти там могли только те, кто мог заплатить, как делали это караваны торговцев, или знающие слово, как гонцы или такие же патрульные из других мест. А на юге был лес. В лесу – свободные. Село, казалось всем, было под надежной защитой.

Ждать не пришлось долго. Хотя и стояла еще глухая ночь, но староста оказался перед отрядом патрульных буквально через пару минут. На углах заборов вспыхнули огни факелов, и стали видны плотно стоящие плечом к плечу сельские дружинники с арбалетами, нацеленными на патрульных.

– Староста! – шагнул вперед огромный даже на фоне своих людей патрульный. – Мы пришли на зов!

– Вы опоздали, патрульный...

– Я – сержант! – грохнул тот сжатым кулаком себя в грудь.

– Вы опоздали, сержант. Враг сделал свое дело и враг ушел. Где были ты и твои люди, сержант, когда мы в селе бились на улицах?

Сержант хлопнул рукой по боку, подняв клуб пыли:

– Мы вышли, как только услышали колокол! Патруль всегда выполняет свой договор! Наше слово твердо!

– У нас есть убитые, сержант. У нас есть раненые. И... Мы получили помощь от свободных. Они тоже слышали сполох, но они – успели. Свободные пролили кровь на нашей земле. Свою кровь. И чужую, – староста помолчал немного, сделал паузу, чтобы можно было обдумать сказанное. – Нам предложили новый договор. Мы будем сегодня платить свободным, – староста говорил спокойно и размеренно.

Сержант, от шишковатой бритой наголо головы которого поднимался пар в ночном холоде, шагнул к старосте, наклонился, заглядывая в его глаза в колеблющемся свете факелов, спросил вполголоса:

– Староста, ты готов не пустить патруль в село? Ты готов не покормить моих бойцов, а отправить их, как бродяг, обратно? Ты готов утром встречать гостей – весь, ты слышишь, староста, весь патруль? Ты готов утром говорить не со мной, а с майором?

Староста оглянулся назад, как бы пересчитывая своих дружинников или спрашивая какого-то совета, поглядел на патрульных, готовых ко всему, кивнул нехотя:

– Патруль по договору имеет право на вход в село. Это так. Веди своих людей, сержант.

Он махнул рукой, арбалеты опустились к земле, и патрульные, снова построившись колонной по два, зажгли свои факелы и зашагали вглубь села, держа руки возле оружия и поглядывая искоса по сторонам.

Хмурый сержант шел сбоку, а рядом с ним шагал старо-

ста, ниже его ростом, но ничуть не уже в плечах. Причем, плечи старосты не были увеличены доспехами.

На центральной площади отряд остановился, дожидаясь команды.

– Сержант, вас покормят в дружинном доме.

– Покормят – это хорошо, – кивнул тот. – Только не время еще для завтрака, разве не так? Ночь не для еды. Ночь – для отдыха.

– Там есть постели.

Сержант стоял посреди площади, поворачиваясь на пятках в разные стороны.

– Нет, староста. Мне надо посмотреть на место боя. Мне придется докладывать завтра майору.

– Завтра?

– Ну, то есть, уже сегодня, – невесело хмыкнул сержант, и обернувшись к своим. – Андре, Жан, Базиль – со мной, остальные парными патрулями по улицам. Марш-марш!

Колонна тут же рассыпалась. Трое с факелами остались с сержантом, остальные исчезли в темноте. Шаг их вдруг стал так же бесшумен, как и у свободных. И даже по деревянному тротуару не простучали их каблуки.

– Сержант! Не нравится мне это! – повысил голос, замерев на месте, староста.

Сержант положил несоразмерно большую ладонь на его плечо:

– До моего доклада майору и до его решения наш договор

действует, староста. Мои люди покараулят. Твои – отдохнут. А мы с тобой сейчас пойдем вон туда, и ты пока лучше покажи мне всё и расскажи, что знаешь.

Хранилище

Двое сидели напротив друг друга за узеньким столиком, на котором стоял фонарь с прикрученным фитилем, освещавший только лица, да сам стол. Стены тонули в темноте. Хотя, и без света Петр знал, что на стене слева висит карта, нарисованная учителями со слов разведчиков. И на карте этой все расстояния вымерены не раз шагами хранителей. А на другой стене – полка со старыми книгами. Очень старыми книгами. Узкая кровать. Снаряжение хранителя на старинной чугунной вешалке в углу.

– Старый, их было совсем немного, но бойцы, видать, умелые. Не знаю, сколько они оставили в селе, но мы хорошо, если одного-двух зацепили, а свалить – так никого и не свалили.

– Ну, так, ведь, темно же было... Нет? – Старый вслушивался в слова, в интонации, вглядывался пристально в Петра.

– Там пожар был, света для стрельбы хватало. Но очень хорошо они вышли из боя. Умело. Прямо, как учителя говорят всегда: ударил – отскочи.

– Пожар, значит...

– Да, там с краю один или два дома горели, околица освещена хорошо была. Мы подошли как раз когда прекратили бить в колокол. И тут же с двух улиц поскакали конные...

– Конные, вот как? – поднялись седые брови, наморщил-

ся лоб.

– Все, как в книге. Легкое вооружение, луки у них, быстрые. Очень быстрые. Мы залп дали, а они даже не ответили – как ринулись в темноту!

– Не ответили, значит, не задержались, хоть и мало вас было – что там, дюжина болтов в темноте... Да, похоже, ученые. Это плохо.

– Вот и я говорю, прямо, как нас учили: команду получил – исполняй.

– К селу-то вы не подходили ближе? – заинтересовался Старый.

– Нет, конечно, ты же сказал, как бой вести!

– Патрульных там много было?

– Нет, Старый, патрульных я не видел. Может, и были, в селе-то, но на околицу не совались. Не знаю.

– Странно как-то всё... А кто же тогда в селе отбивался, если патрульных не было? Говорят, слышали, что на улицах бой шел?

– Да, похоже, дружинники бились... И вот еще, Старый, там, ведь, свободные были.

– Сюрприз-из, сюрприз. Ну, ты рассказывай, рассказывай, – нахмурился, прикидывая что-то в уме, Старый.

– Мы еще на подходе рассыпались двойками, я велел смотреть в оба. Раз там светло, то наверняка кого-то они должны были оставить присматривать. Ведь, так?

– Ну?

– А там не конные эти оказались, а в скирде одной свободный сидел.

– Один сидел? С чего бы – один-то? Как это?

– Тут уж думать нам некогда было, мы его с двух сторон прижали, сверху третий наш скатился, по голове тюкнули, в мешок, а тут и конные эти из села стали высвистывать. Вот и все. Постреляли по ним – и домой...

– Живого хоть притащили? Очень мне хотелось бы с живым свободным сегодня поговорить. Вот прямо сейчас. Ох, как мне не нравится все это...

– Живой, живой! – хохотнул радостно Петр. – Лекарь там с ним сейчас возится. Я двух ребят караулить оставил у карцера.

– Ну, пойдем, Петро, пойдем. Посмотрим на твой сюрприз, – поднялся Старый со стула, и с лампой в руках дождался, пока Петр первым выйдет в коридор. Тот шел, улыбаясь, довольный успешным рейдом отряда, своим четким и ясным рассказом, «трофеем» своим. Но на лице Старого, идущего сзади, не видно было особой радости.

Лес

Сегодня утром был туман, как и предупреждал Старый.

Туман медленно плотными слоями оседал под первыми лучами солнца и становился алмазной пылью на старой паутине, развешанной летом между кустами огромными паука-

ми с крестом на спине, росой на траве, по которой медленно шагали черные сапоги. Если наклониться и присмотреться, то трава почти белая от росы, а там где прошел человек или зверь — темная дорожка. Там, где такая дорожка видна, ловушек уже точно нет.

Лекс двигался очень медленно. Он вышел из хранилища с восходом луны, когда до рассвета оставалось совсем немного. Довольно быстро преодолел территорию, которую все признавали ничьей. А теперь, когда поднялось солнце, он стоял на самой границе, или, может быть, уже и перешагнул ее. Начинался настоящий лес, начинались земли свободных. Здесь нельзя было спешить. Со стороны, если бы кто-то смотрел на него со стороны, иногда могло показаться, что он засыпает стоя. А он стоял и ловил краем глаза любое движение, слушал шумы, смотрел на птиц, летающих над деревьями.

Лекс был лучшим из молодых. Правда, и молодым-то ему оставалось быть совсем не долго, до середины лета. Летом Старый проводил испытания и распределял бойцов по отрядам хранителей. Лекса давно присмотрели в первом отряде. Он уже и с ветеранами первого познакомился, когда был у них на стажировке и выучке. Те показали ему несколько фирменных приемов, которые могли ему помочь на испытаниях.

И еще когда хранители водили его по ничейной зоне, он многому у них научился. Стоять долго на одной ноге, заме-

рев в шаге, например, могли не все молодые. А кроме того, он научился у них двигаться медленно. Очень медленно. Как будто тень передвигается по земле вместе с почти незаметным движением солнца по полужакрытому легкой туманной дымкой небосводу.

Еще один шаг. Остановка. Дальше ничьих следов не было. Впереди была большая поляна, светлая от росы. И ни одной тропинки, ни одного следа. Парень осторожно присел на корточки и снова замер. Не поворачивая головы, долго-долго рассматривал траву, росу на траве, кусты по опушке напротив, деревья с гнездами лесных птиц. Птицы кружили над деревьями, но тревожного птичьего крика слышно не было. Крика, который означает опасность, который означает, что где-то близко главный враг леса – человек.

Лекс нагнулся еще ниже, так что голова оказалась даже ниже колен, прищурился и долго смотрел на поляну, разыскивая не присущие живому прямые линии. Роса, осев на траву, не могла не осесть на растяжки. Растяжек видно не было. Правда, чуть правее середины поляны трава была почему-то ниже, чем в других местах. Он поднял голову, наметил маршрут на огромный давно сгнивший выворотень и сделал первый медленный шаг. Затем – второй...

Нога поднимается вверх, чуть не до пояса, сгибаясь в колене, и медленно, осторожно, сверху – вертикально вниз, опускается на новое место. Потом пауза, осмотреться, и подтягивается вторая нога. И опять медленный плавный шаг

и пауза, и опять шаг, и опять пауза... Как будто большая птица, растопылив крылья, неторопливо бредет по поляне, поглядывая то под ноги, ища корм, то на небо. Далеко обойдя непонятное пятно с низкой травой, которое заприметил с края поляны, он, наконец, подошел к крайним кустам.

Лекс замер на месте. Он смотрел, стараясь двигать глазами как можно медленнее, незаметнее, а голову не поворачивать совсем. Вслушивался в шум леса, пытаясь вычленить любые непривычные звуки. Очищал голову, выбрасывал все мысли. И даже о Найке он не думал в этот момент.

Многие девушки из молодых и из отряда обслуживания давно посматривали на него с интересом. Лекс пошел в отца: высокий, светловолосый, сероглазый. Он еще и песни пел. Те, которым его научил отец. И когда учился – тоже был всегда в первых рядах. Потому что отец учил его с детства:

– Запомни, ты пока – никто. И звать тебя – никак. Никто и никогда не узнает тебя, если ты не будешь первым. Это вот здесь, в этом отсеке, ты – мой сын, и уважение ко мне передается и на тебя. А там, за дверями, ты будешь просто Лекс. А звать тебя будут – эй, ты! Поэтому, уж, постарайся, сын...

И он старался. Так старался, что внушка Старого, Найка, именно ему подарила ножны прошедшей зимой в День воина. Старые кожаные ножны, заново прошитые по краю тонким ремнем и украшенные медными скобками, набитыми крест-накрест по всей длине. А когда дарят ножны – это о многом говорит.

В этих ножнах сейчас плотно сидел отцов нож. Из старой стали еще «тех» времен. Тех времен никто уже не помнил, кроме учителей, но нож у него все равно был лучший среди молодежи. Все завидовали.

А еще на широком ремне слева висел клинок, одновременно похожий на длинный кинжал и на короткий меч. В отряде, на караульной службе, длинным мечом не помашешь, да и мешает он, меч, когда по лесу шастаешь или стоишь в карауле в переходах и коридорах хранилища. Вот привычный арбалет Лекс сегодня не взял. Он же не на охоту вышел и не на войну собрался. Арбалет мог только помешать. Правда, если бы напали собаки, то с арбалетом он мог успеть пристрелить пару, ну, или хотя бы одну, еще издали, но караульные давно не видели бродячих стай в окрестностях хранилища.

Еще он накинул сверху свой форменный кожаный плащ. Кожа старая, задубелая, потрескавшаяся и побелевшая на сгибах, но зато ни ветер, ни дождь его не страшили. Да и от мелкого хищника и от змеи длинные полы плаща спасали идеально. Главное было идти медленно и смотреть под ноги.

Ночью, когда шум закончился, и первый отряд уже разошелся по отсекам, Старый в главном коридоре поманил Лекса, завел к себе, задвинул дверь, и с места начал:

– Ну, все. Хватит ребячиться. Есть у меня для тебя задание. Выполнишь, и считай – пол-испытания прошел. Надо

пойти к свободным.

– Что? – столбом стал Лекс.

– Ты глухой? Похоже, мне надо позвать кого-нибудь другого! – сделал, было, старик движение к двери.

– Все, все, Старый, я слушаю. Я выполню.

– Выполнишь, выполнишь. Куда ты денешься? – прокрипел Старый. – К свободным хранителя не пошлешь. Все хранители – враги свободных. Так?

– Так, – кивнул Лекс.

Еще бы не так! Хранители только со свободными и во-евали все время. Сельские приезжали торговать, и еще когда нужны были лекарства или когда нужен был учитель, и даже не пытались хоть раз как-то прищемить хранителям хвост. А патруль наведывался пару раз, но после стычки, когда им пришлось уносить ноги через бурелом, бросая оружие, патрульные больше не показывались на ничейной земле. Да и было это очень давно. Так объясняли в школе.

– А ты – не хранитель. Ты не сдал еще экзамен. Так?

– Ну, так, – помрачнел Лекс. Он очень не любил, когда ему напоминали об этом. Сдаст он этот экзамен, сдаст. Его учили лучшие хранители. Караульные первого отряда передавали ему свой опыт. Значит, летом экзамен будет сдан.

– Ты рожу-то не криви, не криви. Ты – не хранитель. Еще не хранитель. И крови между тобой и свободными – нет. Так? В общем, слушай задание...

Задание оказалось совсем пустяковое. Но при этом

страшное. Идти надо было к свободным почти без оружия и без сопровождающих. Правда, в зачет испытания. Правда, по оговоренному маршруту. Старый сказал, что свободные будут его ждать.

Что-то слишком много свежей паутины слева. Лекс приоткрылся, и ему показалось, что в глубине кустов, покрытых белыми от росы сетями, видны глаза огромного паука. Пауков он не любил. Их учили, что паук полезен, но опасен. Учителя вбивали в голову только необходимую информацию. Шесть ног – насекомое. Насекомые не опасные, но вредные. Все насекомые – вредные. Пользы от них нет. Восемь ног – паук. Паук полезен, потому что там, где пауки, не пройдет чужой. Опять же, мелкую вредную живность и насекомых пауки отлавливали успешно. А опасен... Что тут думать, когда вон, под кустом, свиток серой паутины величиной, пожалуй, с крупную собаку. Придется взять правее, почти по границе той низкой травы.

Еще шаг. Остановка. Еще один...

Лекс остановился, как будто уткнулся лицом в стену. Все. Пришел, похоже. Он взглядом мазнул по кустам влево, вправо, прислушался еще раз к изменившемуся птичьему граю, и начал медленно расстегивать плащ. Вот плащ лег на землю. За ним упал ремень с мечом и ножом. Потом Лекс сел на плащ и стянул сапоги. После этого встал на колени и развел руки в стороны, показывая, что он безоружен и безопасен. Осталось ждать.

Так он мог стоять долго. В хранилище учили стоять так с грузом в каждой руке, как будто с оружием, как будто в карауле. А без груза он мог простоять до вечера. Но зачем – до вечера? Он был на нужном месте. Об этом говорило ему чутье. Откуда-то вдруг пахнуло крапивным запахом. В лесу – крапива? Крапива – это человек! Где-то в засаде свободные. Говорили ведь не раз, что они вываривают в крапиве всю одежду, чтобы перебить запах дыма от костров. И вот теперь они наверняка видят его, а он их – нет. Лекс опустил глаза и стал рассматривать коричневую полу плаща, на которой стояли его колени.

Сзади с двух сторон от темной дорожки его следов с тихим шорохом осыпающейся с одежды земли и травы поднялись две фигуры.

Лекс задержал дыхание. Сзади! Он прошел мимо и ничего не заметил! Но и впереди тоже поднялся человек с арбалетом, направленным ему в грудь.

«Арбалет?» – мысли метались, как паучьи детеныши, когда подожжешь паутину. Однажды они так расчищали путь с приятелями на практике. Правда, потом им устроили за это учебный бой и сильно побили. И объяснили, что пауки – полезные, а паутину жечь нельзя.

«Арбалет? Но почему же – арбалет? Почему не лук? Сырость ослабит заранее натянутую тетиву арбалета... А бесшумно в засаде арбалет не зарядишь... Лук в схроне лучше... Или они только что залегли в засаду? Свободные знали

его маршрут! Они ждали именно его!».

Лекс попытался выдохнуть. И не смог. Глухо кашлянув, он упал лицом в свой плащ, руки его еще пытались приподнять туловище, еще скребли по земле, по коже плаща, но все медленнее. Глаза его закрылись, и стало темно.

Село

Бродяга утром вышел к селу с юга, из леса, что было само по себе странно и не понятно: лес – царство свободных. Подошел на расстояние, с какого уже можно было его подстрелить, но только очень меткому стрелку. Бросил на землю какую-то дерюгу и спокойно сел, рассматривая село.

Туман уже ушел, но роса на траве еще держалась. Утреннее солнце ярко светило с синего безоблачного неба, обещая хорошую погоду днем. «Бабье лето», – говорили старики. Да, какое оно лето, если все равно в куртках и плащах?

Ожидание не затянулось. Вскоре из села вышли трое. Двое остановились на расстоянии успешного выстрела, подняв арбалеты к плечу, один подошел поближе, но встал сбоку, чтобы не мешать своим, если что, но и не слишком близко, чтобы даже в два прыжка не достать его.

– Кто ты?

– Странник, – спокойно ответил бродяга, поднимаясь на ноги.

– Откуда ты?

– С юга иду, – махнул он рукой назад.

– Есть новости?

– Смотря, что считать новостями...

– Как ты смог пройти через лес?

– Прошел, вот...

– Назовешь свое имя?

– Зовите меня Найф.

Здоровенный дружинник с рогатиной в руке помолчал, рассматривая его в упор. Но не как предмет какой-то смотрел, не как на мебель смотрят или инструмент какой, а скорее, как на неизвестного и от того опасного зверя.

– ...Нехорошее имя. Не наше. Жди.

Не торопясь, сделал два шага спиной вперед, отступив еще дальше от неизвестного, а потом повернулся и быстро пошел к деревне. Стрелки остались, только присели на корточки, не сводя глаз и арбалетов с бродяги.

Староста, вызванный к околице гонцом с поста, щурился, закрывался широкой ладонью от низкого еще, бьющего почти прямо в глаза солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.